

УДК 1:316
ББК60.027

АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА К ПРОЦЕССАМ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ ¹

А.Л. Стризове

В статье соотносятся процессы адаптации человека к социальным трансформациям модернизирующегося общества и становления демократических форм осуществления власти. Показано, что «модульный человек» с его универсальностью, коммуникативностью и способностью к выбору является антропологической предпосылкой перехода к демократии. Выделяются этапы процесса адаптации человека к социальным инновациям, а также развертывания содержания и смысла демократии как формы осуществления власти и механизма ее функционирования.

Ключевые слова: человек, коммуникативность, модернизация, социальные трансформации, цивилизация, социальные институты, адаптация, демократический транзит.

Проблема осуществления модернизационных проектов демократическими средствами имеет богатую традицию исследования. Каждая из наук, изучающих общество – экономика, социология, социальная психология, политология, – обнаруживает в ней специфические аспекты, анализ которых неизбежно возвращает нас, с одной стороны, к осмыслению роли субъекта как условия, движущей силы и критерия социальных преобразований, с другой – к необходимости затрагивать вопросы, требующие масштабного макросоциального взгляда и широких обобщений. Для сегодняшней России решение проблемы демократической модернизации представляет собой перекрестие множества как сугубо прикладных, инструментальных, так и историософских и культурологических споров, давно волнующих умы отечественных интеллектуалов и политиков. Все это убеждает нас в актуальности соотнесения традиционного политологического подхода к демократическому транзиту с социально философским рассмотрением модернизации общества, и в частности, с одной из центральных тем этого рассмотрения – адаптацией человека к современным социальным трансформациям.

Тот факт, что переход к демократии неотделим от его узкому политико-правовому истолкованию, был ясен уже классикам социально-философского и политического анализа. Современные политологи, опираясь на западную традицию исследования, выделяют в качестве условий перехода к демократии наряду со сформировавшейся национальной идентичностью, государственным единством и уровнем экономического развития еще и совокупность культурных условий, ядром которых выступает преобладание определенных ценностных ориентаций и установок [4, с. 237–243; 6, с. 224–225]. Между тем еще Ж.Ж. Руссо, описывая условия становления демократического государства, основанного на разумном согласии, интерпретировал их как условия, которым должен удовлетворять народ, то есть основной субъект демократии [7, с. 239–240]. Не отрицая важности для демократического транзита всех выше названных параметров социальной среды, подчеркнем приоритет субъектного начала, определяющего вектор, темп и формы движения к демократии.

Субъект политики, как правило, отождествляется в политическом знании либо с коллективным, организованным субъектом (социальная общность, организация), либо с личностью лидера. В нашем случае субъектом перехода к демократии, в отличие от традиционного для политологов подхода, подчеркни-

вающего роль элит [4, с. 343 - 344], выступает личность рядового гражданина, точнее человек, взятый в его отношениях с трансформирующейся социально-политической реальностью. Такой ракурс исследования обусловлен, во-первых, тем, что адаптация общества к процессам модернизации начинается с микросоциального уровня, затрагивает индивидуальный выбор и межличностные отношения. Во-вторых, исходная фаза демократического транзита – либерализация – связана с предварительным (до создания демократических институтов), индивидуализированным освоением обществом прав человека и гражданина, демократических идей и ценностей.

Определяя индивидуальную готовность к включению в модернизационные процессы, мы будем дистанцироваться от аксиологической и идеологической прескрипции, подчеркивающих векторную направленность ценностных приоритетов личности. Гораздо большее значение для адаптации к переменам, обновляющим общество, имеет «социальная конституция» личности, морфология ее социального опыта, позволяющая не просто параллельно исполнять несколько социальных ролей, а избирательно изменять приоритеты и формы социальной активности. Одним из вариантов описания такой комплиментарной модернизации «социальной конституции» личности является, по нашему мнению, концепт «модульного человека», предложенный Э. Геллнером [1, с. 105–111]. «Его модульность, — пишет он, — это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи» [1, с. 110]. Свободный вход и выход из социальных и политических ассоциаций, возможность перехода из власти в оппозицию, из государственных структур в общественные, изменения идеологической, политической, культурной идентичности — вот лишь некоторые проявления «модульности», которые позволяют естественно и органично изменять «институциональный интерьер» общества. «Модульность» личности, отличительные черты которой исследователь выявляет на примере гражданских ассоциаций, социально-политического взаимодействия, есть выражение ее субъектности, в которой воплощается не только активное проективное отношение человека к обществу, но и его способность со-

хранять автономию сознания и действия, служащую основой для социальной самоорганизации. Социальные эффекты «модульности» есть не что иное, как проявления социальной адаптации, позволяющей личности встраиваться в разные социокультурные контексты, не теряя своей индивидуальности.

Выявление адаптивного потенциала «модульной» личности предполагает прояснение социальных качеств, присущих ей как социальному типу. Сама идея модульности исходит из многообразия и универсальности содержания, как социальной среды, так и взаимодействующей с ней личности. Диапазон многообразия личностного содержания задается не только свободным индивидуальным выбором, но и природой общества, степенью его функциональной дифференциации, многообразия целей и ценностей развития. Социальные императивы модернизации выявляют такие проявления многообразия общества, которые актуализируют различия между креативным и репродуктивным; утилитарным и неутилитарным; приватным и публичным; стихией повседневности и дисциплиной организации. Поскольку инновационные процессы являются сегодня, как правило, объектом сознательного регулирования, то к числу изменяющихся различий следует также отнести различия между властвованием и подчинением, между управлением и исполнением, между внешней, принудительной организацией и самоорганизацией. С другой стороны, в плане соотносительности с формальными нормами властно-управленческого воздействия процессы модернизации открывают возможность наряду с реальным обновлением принять стратегии имитации перемен, а также «теневой» и даже нелегальной, противозаконной деятельности.

Подчеркнем: универсальность и многомерность «модульного» человека представляет собой нечто отличное от возрожденческо-просветительского идеала всестороннего и гармоничного развития и модели «одномерного» человека, предложенной Г. Маркузе для описания деформирующего влияния на личность «общества потребления». Потребности адаптации к становлению нового, лишнего законченности и совершенства, снимают вопрос о достижении гуманистических идеалов, превращая их в достаточно абстракт-

тный ценностный ориентир, стремление к которому предотвращает вульгаризацию и упрощение социальной реальности. С другой стороны, «модульности» противостоит не только примитивное, сугубо утилитарное потребление, но и разностороннее и даже «инновационное» по характеру потребление. Псевдоадаптация и имитация проявляются здесь не только в игнорировании созидания, творчества, производительного труда, но и социальной, гражданской активности, демократического участия. Вместе с тем, как показывают социологические исследования современных российских рантье, не существует жесткой и однозначной связи между утилитарным потребительством, потребительским образом жизни и гражданской пассивностью [2, с. 78]. В процессе освоения индивидом демократических норм и институтов универсальность его природы корректируется, приводится в согласование с границами плюрализма и терпимости в институциональных программах, правовых процедурах, демократических традициях.

Вторым социальным качеством, конституирующим «модульного» человека, является его коммуникативность – способность к конструктивному общению в разных средах и режимах. Философский анализ коммуникативности личности по необходимости апеллирует к ее онтологическим основаниям, которые философская антропология видит в открытости, непредопределенности, историчности человеческого бытия. Отсюда, на наш взгляд, следует выводить такие ее предпосылки как релятивность и процессуальность мышления, диспозитивность дискурса, способность к пониманию, а также толерантность, диалогичность, компромиссность как поведенческие установки, задающие конструктивный вектор общения.

Социальные трансформации, вызванные процессами модернизации, порождают потребность в коммуникации, интегрирующей общество в двояком отношении. Во-первых, речь идет о консолидации различных социальных сил вокруг инновационных целей и проектов, мобилизации их воли и ресурсов для преодоления возникающих трудностей, разрешения конфликтов. Прообразом и почвой для такой консолидации в масштабах всего обще-

ства является объединение людей в малых социальных группах в процессе повседневного общения, в ходе реализации локальных инновационных проектов. Во-вторых, создание и устойчивое функционирование новых социальных институтов невозможно без формирования социально-психологической атмосферы взаимного уважения, доверия, участия и поддержки. Именно на этой основе формируются на коммунальном и муниципальном, а затем и на макросоциальном уровне, в масштабах всего общества умения заявлять о своих интересах и слушать других, отношения солидарности и кооперации, возникают механизмы координации интересов и предотвращения конфликтов. Позитивная морально-психологическая атмосфера является фундаментом демократических дисциплинарных матриц поведения, которые формируют новые институты власти, прочности и эффективности того программирующего эффекта, который закрепляет и мультиплицирует новые политические формы и образцы поведения.

Еще одним – третьим – системообразующим свойством «модульного» человека является его способность к выбору, целеполаганию, самостоятельному принятию решений. Философы и социологи много писали о различных сторонах субъектности личности как одном из главных условий адекватного социального выбора, что позволяет нам сосредоточиться на специфике адаптивного выбора в условиях социальной модернизации. Прежде всего, это выбор решения о «входе» и «выходе» в ту или иную социальную среду, о возможности или невозможности включения в определенный социально-культурный или политико-идеологический контекст, о возможности или невозможности дальнейшего пребывания в нем. В условиях движения к демократии этот выбор проявляется и в отдельных поступках, и в смене линий поведения, идентичностей, жизненных стратегий. Он становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Как замечает Э. Геллнер, «...то же самое относится и к знанию: убеждения могут изменяться, и это не считается грехом или отступничеством» [1, с. 108].

Выбор в условиях модернизационных реформ всегда насыщен риском, поскольку в трансформирующемся обществе сталкиваются

ся между собой несколько вариантов реформирования, а реализация каждого из них не гарантирует успеха. Отдавая предпочтение определенным целям, средствам и методам, мы теряем другие возможности и связанные с ними перспективы. Причем не только во времени, но и в пространстве, поскольку каждый из вариантов выбора предполагает свой масштаб реализации. В практике реформ не раз бывали случаи, когда выбор личностью того или иного варианта поведения выводил ее на авансцену инновационного развития, ставил в центр событий, придавая действиям подлинно исторический масштаб. Между тем, занимая доминирующее положение в социальном пространстве, человек жертвовал личными планами, расставался с ожиданиями и надеждами, менял свое окружение, деформируя подчас свои ценностно-мировоззренческие ориентиры.

Риск адаптивного выбора в условиях динамично меняющегося общества имеет и иное измерение: с точки зрения ближайшей перспективы успех адаптации и связанное с ним личное благо могут быть бесспорны, но одновременно оборачиваться угрозой общему благу, сохранению социальной безопасности, стабильности, прогрессу реформ. С другой стороны, адаптация социального целого, общественное благо и процветание, достигаемые в перспективе нескольких десятилетий, часто покупаются ценой невозполнимых индивидуальных утрат. Гармонизация общего и личного блага, сознательное выстраивание институциональных приоритетов, связанных с ними неизбежно порождает персональные риски экзистенциально-ценностного плана. Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в эпоху модернизации личностный выбор в ситуации риска никогда не может полностью устранить неопределенность и обосновать принимаемое решение сугубо рациональным способом. Неопределенность ситуации риска не позволяет личности сделать ее полностью прозрачной для разума, реально оценить шансы на успех, оставив в пространстве выбора место для интуиции, случайности, сиюминутных индивидуальных предпочтений, иррациональных реакций. Плюрализм демократического устройства, с одной стороны, смягчает риски непредсказуемых последствий: в большинстве своем они не выходят за рамки достаточно широкого базис-

ного консенсуса. С другой, - неустранимость неопределенности приводит к тому, что демократический выбор все же имеет свою социальную цену, характер и размер которой могут стать поводом для публичной дискуссии.

Антиподом рассматриваемому свойству «модульного» человека является тип личности, порождаемый отношениями клиентеллы: привыкнув следовать за волей патрона, такой человек утрачивает способность самостоятельно принимать решения, определять линию собственного поведения. Аналогичная ситуация складывается внутри закрытого мира корпоративной демократии, когда растворенность в коллективном «мы» формирует привычку к выполнению определенной производственной и социальной функции, исключая смену места и роли в организационной иерархии. В условиях модернизации, когда в широком русле перемен, возникают разнообразные, порой меняющиеся политико-идеологические движения, достаточно распространены социальные типы, вверяющий себя естественному ходу событий, «плывущий по течению», без попыток выбрать собственный курс и траекторию. Неприятие риска, его избегание здесь превращается в фактический отказ от свободного выбора, в результате чего личность вытесняется на периферию общественно-политической жизни. Попадание в маргинальную среду, когда самосохранение достигается ценой утраты индивидуальности и достоинства, свидетельствует о мнимом, иллюзорном характере социальной адаптации. В пространстве демократического транзита маргинальные личности, склонные к имитации престижных стандартов, одержимые жадой социального реванша, легко поддаются манипуляции и становятся жертвами политических авантур.

Выделенные нами качества «модульного» человека – универсальность (многомерность), коммуникативность, способность к выбору – представляют собой своеобразное «антропологическое основание» демократии, на котором строится ее здание на всех ступенях цивилизационного развития человечества от античного полиса до современного информационного общества. Выступая промежуточным итогом длящейся социализации индивида, эти качества выражают как уже имеющийся личный социальный опыт, так и аккумулированный в обществе цивилизационный

потенциал, а потому имеют разную степень зрелости. Соответственно этому эффективные, действенные, насыщенные содержанием демократические формы на каждом историческом этапе появляются с некоторым запаздыванием.

Типические черты «модульного» человека, реализуясь в отношениях людей, в разные моменты времени дают определенные социальные результаты, описать которые можно, выделив этапы и критерии индивидуальной адаптации к социальным трансформациям, частным случаем которых является демократический транзит. Как отмечает Т.Г. Лешкевич, теоретическую модель любой деятельности в окружающем природном и социальном мире можно построить на основе разработанной М. К. Петровым концептуальной идеи этапности освоения человеком многообразного культурного опыта [5; 3, с. 239–240]. Выделяя личностно-именной, профессионально-именной и универсальный способы освоения социокультурной реальности, М.К. Петров, по сути дела, выявляет логику эволюции, схватывающую единство онто- и филогенеза: развития усложняющегося общества и адекватной его возрастающей сложности личности. Опираясь на эту идею, адаптацию личности к социальным трансформациям можно представить как процесс перехода от этапа, ориентиром которого служит внешний авторитет, к этапу, ориентированному на профессиональную функцию и потому содержащему в себе возможности ограниченного функцией выбора, а затем к этапу универсальной адаптации, к различным, то есть, изменяющимся в пространстве и времени социальным условиям. Основанием такой адаптации является собственный внутренний выбор личности, ее свободное самоопределение. В первом случае авторитет задает образец адаптации и сама она носит ситуационный, фрагментарный характер. Во втором – представляет собой систему приспособительных действий, допускающую развертывание той или иной профессиональной компетенции (социальной функции) как в пространстве, так и во времени. Наконец, высшая форма адаптации - открытый вариативный процесс, объект и вектор которого задаются как самим субъектом, так и системным характером об-

щества. В своей хронологической развертке эти способы демонстрируют расширение пространства адаптации: от микросоциальной (лично-персонифицированной) к макросоциальной, институционально оформленной профессиональной деятельности, а затем к свободному перемещению в многообразном пространстве социальных институтов. Динамика демократического транзита воспроизводит эту логику освоения социально-политического пространства, последовательно расширяя субъект народовластия от отношений «Я – Другой», к корпоративному субъекту, а затем к народу как сообществу граждан.

Иной вариант моделирования процесса адаптации личности к изменяющемуся обществу имеет своим вектором «глубину» интеграции, движение от сугубо утилитарных результатов деятельности к участию в создании и совершенствовании нового социального порядка. Первым этапом – и соответственно критерием – адаптации является в праксиологическом плане получение человеком дохода определенного уровня и возможность его максимизации. В когнитивном плане ему соответствует оценка человеком собственного благосостояния, меры удовлетворения его важнейших жизненных потребностей. Как показали исследования отечественных социологов, существует достаточно устойчивая связь между уровнем индивидуального и семейного дохода и возможностями воспроизводства и развития человеческого капитала [8]. Таким образом, создание необходимых условий для сохранения себя и своих близких в определенном социальном качестве представляет собой исходную точку отсчета динамики адаптационного процесса. В плане демократического транзита эта позиция является предпосылочной, создающей не само демократическое волеизъявление, а среду, делающую его возможным. Соответственно демократические права и свободы мыслятся исключительно в плане личных возможностей, как средства сохранения достигнутого социального статуса.

Ситуационная устойчивость собственного положения и статуса в социальном пространстве должна быть гарантирована еще и во времени, перейдя в качество экономической и социальной стабильности. В повседневных практиках это может быть оценено кри-

терием наличия постоянной работы и постоянных источников дохода. Обыденное сознание отражает степень устойчивости и предсказуемости положения в обществе в образно-психологической форме как определенное социальное самочувствие и настроение. Индикаторы подобного рода представляют второй критерий адаптации, описывают новый уровень включенности в общество, когда ощущение стабильности и социальной перспективы позволяет личности строить планы на будущее, начать поиск соответствующих ее интересам институциональных программ поведения. Можно сказать, что первые два критерия описывают личностно-именную и профессионально-именную стадии адаптации, когда достижение стандартов и освоение образцов, задаваемых авторитетами ближайшего окружения и профессионально-корпоративной культурой, позволяют человеку уверенно чувствовать себя в повседневной жизни, наполненной социальными изменениями. В этой ситуации демократические права и свободы, равно как и другие атрибуты и возможности народовластия, начинают рассматриваться и оцениваться как средство коммуникации, организации общения с другими, опосредованного влияния на них. Демократический выбор здесь персонифицирован и обусловлен помимо субъективных личностных предпочтений корпоративными интересами и стандартами.

Следующий уровень адаптации и связанный с ним критерий предполагают выход личности на макросоциальный уровень процессов модернизации, включения ее в новые институты и социальные технологии. Первоначально это уровень лояльности новым нормам, правилам и процедурам, что обнаруживается в практике соблюдения нормативных предписаний, законопослушного поведения, а также в позитивных оценках инноваций, модернизационных проектов и политики властей. Такая позиция индивида – позиция нейтрального или скорее благожелательно настроенного внешнего наблюдателя, который уверенно ориентируется в модернизационной среде, но пока не имеет позитивного опыта использования социальных инноваций при решении собственных жизненных проблем. Демократическое участие на этой стадии постепенно меняет ориентиры: от лидерского авторитета оно все

чаще обращается к авторитету организации, коллективного действия, в рамках которого разворачиваются публичные дебаты об идеях, лозунгах и ценностях.

По мере обретения такого опыта у человека формируется внутренняя готовность к включению в модернизационные проекты: осознанное выполнение гражданских обязанностей, поиск оптимальных вариантов поведения в рамках институциональных программ, проявление инициативы в сфере деятельности института, участие в общественном контроле и иных гражданских акциях, направленных на поддержку и содействие инновациям. В когнитивном плане этот завершающий уровень адаптации проявляется в оценке новых социальных организаций, норм и ценностей как естественных, справедливых, гуманных и идентификация себя с ними, а значит с модернизационной культурной средой. Важным проявлением модернизационной перестройки сознания человека является добровольное принятие им ответственности за нормальную работу новых институтов, за поддержание и укрепление возникающего в их пространстве социального порядка. Таким образом, четвертый критерий и завершающий уровень адаптации связан с активным проявлением «модульности» человека, способного соединить удовлетворение своих потребностей, реализацию способностей и собственной жизненной стратегии с макросоциальной стратегией модернизации общества, найдя приемлемые для себя социальные механизмы достижения целей. Демократический транзит завершается здесь утверждением разнообразных форм гражданского участия и контроля, традиций гласного публичного обсуждения политических проблем, гарантий обеспечения плюрализма, поддержания справедливости и законности. Общество решает на этом этапе не проблему гарантии законного осуществления демократических прав и процедур или достижения эффективности работы демократических институтов, а сохранения оптимального режима их функционирования и дальнейшего совершенствования с учетом вызовов времени.

Сегодня в политологии утвердилось многомерное понимание демократии как политического режима, системы институтов и ценностей, механизма полиархии. Социально-фи-

лософский образ многомерной демократии обусловлен современными представлениями о многоуровневом и плюралистическом характере социальной реальности, которая интерпретируется с позиций синтеза объективистских и конструктивистских подходов. С учетом проведенного нами анализа субъектных (антропологических) условий и этапов становления демократии в ее характеристике может быть выделен, во-первых, феномен демократии, ее данность на уровне микросоциальных связей, повседневной жизни людей. Реальность демократии – это наделение индивидов определенным спектром прав и свобод, возможностью для них осуществлять свободный выбор и принимать решения путем открытой, публичной дискуссии. Плюрализм идей, социальных и политических форм и процедур деятельности формирует базисные представления о демократии, возникающие в сфере повседневных практик. Именно в них раскрывается роль субъекта как решающая предпосылка расширения и углубления демократии.

Вторым – марксо-социальным – уровнем развития демократии является институциональный уровень, когда формируются и юридически закрепляются демократические институты власти (парламент, правительство, суды, институт главы государства) и соответствующие институты политического представительства (выборы, референдумы, партии, иные формы артикуляции и агрегирования интересов). Именно в создании институциональных организаций выявляется способность субъектов задавать обществу демократическую программу социально-политического поведения, превращать властные структуры в средство конструирования определенного порядка разных сторон жизни. Благодаря демократическим институтам идеи, ценности, нормы и процедуры, так или иначе воплощающие идеалы народовластия покидают локальное муниципально-коммунальное пространство, где их можно было еще рассматривать как проявление местной историко-культурной экзотики, и обретают универсальный, общегражданский, подлинно национальный статус. Признаки и свойства демократии теперь получают возможность не только макросистемного социального бытия, но и бытия в качестве системообразующего признака социально-политических форм.

Наконец, третьим, высшим уровнем демократической зрелости социума выступает уровень устойчиво функционирующих демократических институтов, формирующих традицию справедливого, правового правления большинства, когда закладывается фундамент демократической политической культуры. Отдельные демократические институты здесь соединяются не просто формально, в рамках правового поля, но и содержательно: на основе традиций разделения властей, парламентаризма, правовых и иных (неформальных) гарантий прав меньшинств, влияния результатов выборов на характер осуществляемой политики. Важность выделения институционального и функционального аспектов демократии становится очевидной, если не забывать, что демократическими правами и свободами можно пользоваться по-разному, а такой демократический институт, как выборы, может функционировать в разных режимах. При наличии вполне демократической конституции выборы могут представлять собой публичное подтверждение электоратом (то есть легитимацию) тайного сговора элит или кланов, уже определивших спектр желательных для них кандидатов или быть средством привода к власти лиц, в котором главную роль играют не политические программы, а иные, в том числе весьма далекие от политики, качества. И институциональная программа, и политическая традиция представляют собой способы конструирования стабильного не только в пространстве, но и предсказуемого во времени социально-политического порядка.

Своеобразным отражением такой стабильно функционирующей системы демократических институтов является и достижение обществом определенного функционального состояния, когда механизмы социальной самоорганизации не просто запускаются, а начинают играть ведущую роль в регулировании отношений между группами и индивидами, создавая зрелое гражданское общество. Представляется, что конструирование жизнеспособных и устойчиво функционирующих демократических политических институтов, как более управляемый и организованный процесс, имеет в ряде случаев шансы обогнать процесс спонтанной социальной самооргани-

зации, так что мы можем столкнуться с ситуациями, когда демократия утверждается, независимо от наличия или отсутствия зрелого гражданского общества, хотя последнее и выступает гарантом ее необратимости. С другой стороны, эффективно функционирующее гражданское общество, оказавшись в ситуации кризиса, деформировавшего или даже разрушившего политическую демократию, может, сохранив социальную активность и инициативу, мобилизовать потенциал политического творчества и совместно с элитой восстановить институты и режим демократии.

Рассмотрение демократического транзита в контексте социально-философского анализа адаптации человека к инновациям трансформирующегося общества позволяет выявить ряд объективных и субъективных, причем не политических по своей природе факторов, позитивно или негативно влияющих на процесс демократизации, представив его во всей многомерности, многовариантности и открытости. Обращение к социальной философии убеждает нас в том, что судьбу перехода к демократии в конкретном обществе, как важнейшей стороны общего цивилизационного прогресса, глобального процесса социальной модернизации, невозможно представить вне контекста комплекса условий, фиксирующих глубину и характер решения в данном социуме предшествующих задач цивилизационного и культурного развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации мероприятия 1.4. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. «Человеческое существование в условиях социальной модернизации». Соглашение № 14.В37.21.0088.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. 222 с.
2. Гунина А. А. Современные российские рантье: особенности социального состава. // Социологические исследования (СОЦИС). – 2011. – № 11. – С. 74–78.
3. Лешкевич Т. Г. Философия и теория познания. – М., 2011, 408 с.
4. Мир политической науки. Учебник. В 2 кн. Кн. 1 Категории / А. Ю. Мельвиль [и др.]. – М. : Просвещение, 2004. – 796 с.
5. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М. : Наука, 1991. – 328 с.
6. Политология: учебник / А. Ю. Мельвиль [и др.]. – М. : МГИМО-Университет МИД России, Проспект, 2013 – 624 с.
7. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер с фр. – М. : «КАНОН-пресс» 1998 – 416 с.
8. Савельева О. О. Социология рекламного воздействия : дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2006. – 343 с.

ADAPTATION OF A PERSON TO THE PROCESSES OF MODERNIZATION AND TRANSITION TO DEMOCRACY

A.L. Strizoye

The article deals with correlating the processes of person's adaptation to social transformations in modernizing society and formation of democratic forms of power exercise. It is shown that a 'modular person' with its universality, communicativeness and ability to choose is an anthropological precondition for transition to democracy. Stages of person's adaptation to social innovations, as well as the content and sense of democracy as a form of power exercise and mechanism of its functioning are described.

Key words: *person, universality, communicativeness, choice, modernization, social transformations, civilization, social institutions, adaptation, democracy, democratic transit.*